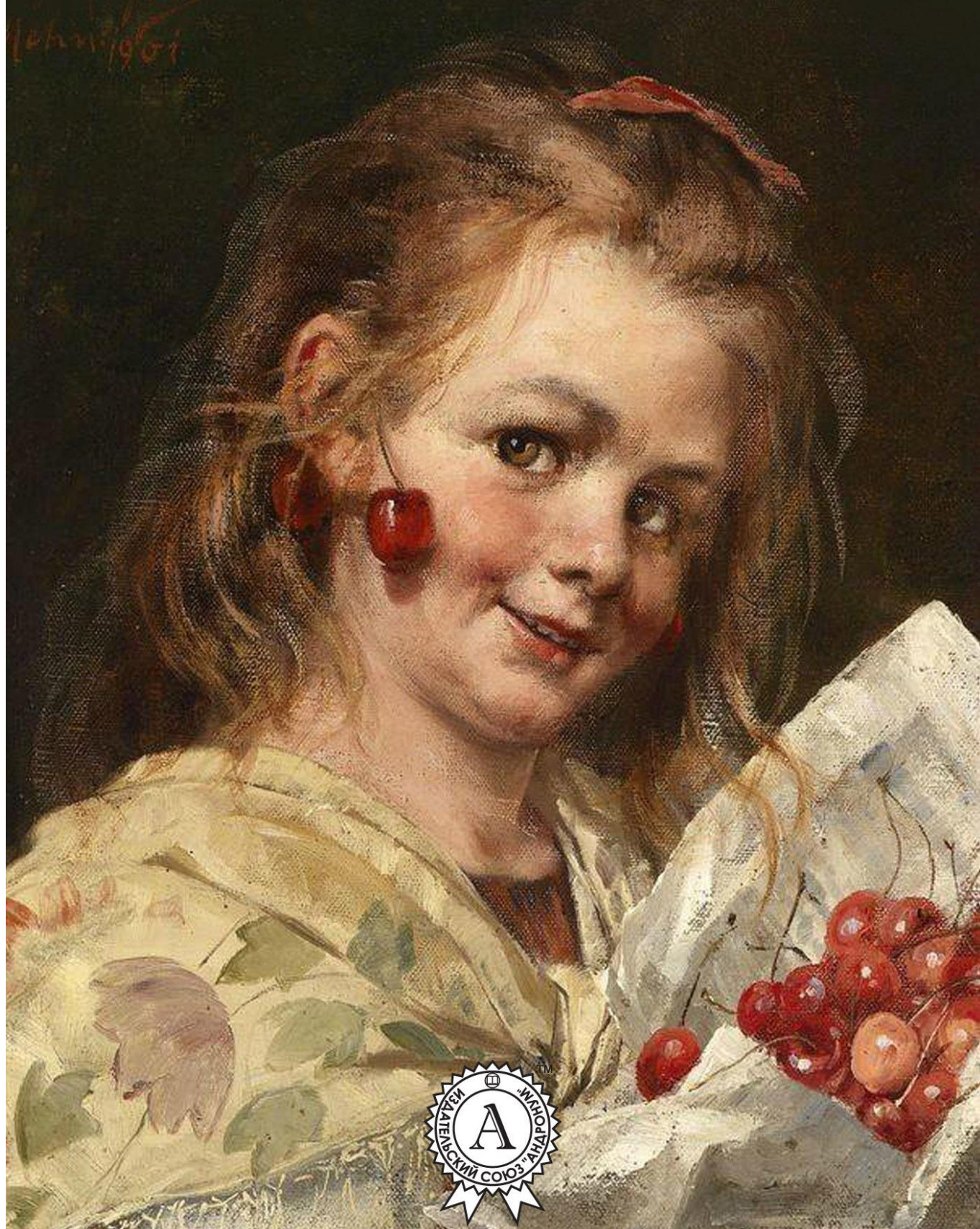

Элино́р Порте́р

ПОЛЛИАННА

«Поллианна (перевод Елены Яновской)» — роман-бестселлер известной американской писательницы Элино́р Порте́р (англ. Eleanor Porter, 1868–1920).

Поллианна приезжает к своей тете в штат Вермонт. Строгая родственница соглашается воспитывать девочку лишь из чувства долга, но вскоре привязывается к доброй и жизнерадостной племяннице.

Другими выдающимися произведениями автора являются «Встречные течения», «Поллианна взрослеет», «История Марко», «Мисс Билли» и «Решение мисс Билли».

«Поллианна» Элино́р Порте́р имела ошеломляющий успех в Америке и за ее пределами: к 1920 году книга была переиздана рекордное количество раз.

Элино́р Порте́р Поллианна

Глава 1. Мисс Полли

Обычно мисс Полли Харрингтон избегала суетливых движений. Она очень гордилась своими изысканными манерами и ценила уравновешенность превыше всего. Но в то июньское утро мисс Полли вошла в кухню немного торопливо: сегодня она действительно спешила.

Нэнси, которая в это время мыла посуду, посмотрела на нее удивленно. За те недолгие два месяца, что она успела проработать на кухне у мисс Полли, Нэнси усвоила, что хозяйка не отличается особой торопливостью.

— Нэнси!

— Да, мэм? — бодро откликнулась Нэнси, продолжая полоскать кувшин.

— Нэнси, — голос хозяйки звучал очень строго, — когда я обращаюсь к тебе, ты должна немедленно отложить все дела и внимательно слушать, что я тебе говорю.

Нэнси покраснела от смущения. Она быстро поставила кувшин рядом с раковиной, но чуть его не перевернула, случайно задев тряпкой, отчего смутилась еще сильнее.

— Конечно, мэм. Да, мэм, — пробормотала она, ставя кувшин на место. — Я продолжала работу лишь потому, что Вы сегодня утром сами велели поскорее закончить с мытьем посуды.

Хозяйка нахмурилась.

— Нэнси, довольно. Ты можешь выслушать меня внимательно, без пререканий?

— Да, мэм, — подавила вздох Нэнси.

Сможет ли она когда-нибудь угодить этой строгой даме? Раньше Нэнси не приходилось подрабатывать. Но после того как ее отец неожиданно скончался, больная мать осталась одна с четырьмя детьми, и Нэнси, как старшая из них, была вынуждена хоть как-то помогать семье. Поэтому она несказанно обрадовалась, когда нашла место на кухне в большом доме на Холме. Сама она была из района Куличек, в нескольких милях отсюда, и о мисс Полли Харрингтон слышала лишь как о хозяйке старинного поместья Харрингтонов и как об одной из самых зажиточных жительниц этого города. С тех пор, за два месяца работы, Нэнси открыла для себя, что мисс Харрингтон была чопорной дамой с угрюмым лицом, которая хмурилась при звуке упавшего на пол ножа или хлопнувшей двери. Но даже если ножи лежали на своих местах, а двери не хлопали, улыбка все равно никогда не появлялась на ее лице.

— Когда разделаешься с обычными утренними обязанностями, — продолжала мисс Полли, — приведи в порядок комнату в мансарде, что напротив лестницы, и застели там детскую кроватку. Хорошенько подмети и вымой пол. Само собой, после того, как вытащишь все из сундуков.

— Хорошо, мэм. А куда перенести вещи из сундуков?

— В дальнюю часть мансарды...

Мисс Полли задумалась, а затем добавила:

— Впрочем, я могу сразу тебе сказать, в чем дело. Ко мне переезжает моя племянница, мисс Поллианна Виттгер. Ей одиннадцать лет, и это она будет спать на мансарде.

— Мисс Харрингтон! Сюда приедет девочка? Как здорово! — воскликнула Нэнси, вспомнив о своих младших сестренках, которые озаряли солнечной радостью ее родной дом на Куличках.

— Здорово? — желчно откликнулась мисс Полли. — Пожалуй, это не самое уместное слово. Однако я, как порядочная родственница, намерена сделать для нее все, что предписывает мне долг. Надеюсь, никто не сможет упрекнуть меня в отсутствии доброты.

Нэнси словно водой окатили.

— Разумеется, мэм. Я просто подумала, что девочка в доме могла бы стать для вас... утешением.

— Спасибо, — сухо ответствовала дама. — Я не нуждаюсь в утешении.

— Но вы ведь хотите взять ее к себе, — рискнула предположить Нэнси, — дочь... вашей сестры?

Нэнси чувствовала, что должна подготовить благоприятную почву к приезду этой маленькой одинокой девочки.

Мисс Полли надменно вскинула голову.

— Вот еще скажешь! То, что моей сестре хватило ума выйти замуж и нарожать никому не нужных в этом и без того переполненном мире детей, еще не значит, что я должна хотеть о них заботиться. Другое дело, как я уже заметила, что я не забываю о своем чувстве долга.

— И смотри мне, чтоб в углах не осталось пыли, — строго закончила мисс Полли и вышла из кухни.

— Да, мэм, — со вздохом сказала Нэнси, и вновь принялась за почти высохший кувшин, который теперь нужно было заново полоскать.

Вернувшись в свою комнату, мисс Полли вновь достала то самое письмо, которое два дня назад пришло

из далекого западного городка и принесло ей неожиданное и неприятное известие. Письмо было адресовано мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилль, Вермонт и содержало следующий текст:

«Уважаемая госпожа Харрингтон! С прискорбием сообщаю Вам, что преподобный Джон Виттьер скончался две недели назад, оставив единственного ребенка, девочку одиннадцати лет. Из какого-либо имущества она унаследовала от отца лишь несколько книг, ибо, как Вам, несомненно, известно, покойный был пастором маленькой церкви при миссии и получал весьма скромное жалованье. Таким образом, дальнейшая судьба его ребенка совершенно неясна.

Я полагаю, что безвременно упокоившаяся жена преподобного Джона Виттьера приходилась Вам сестрой. Он рассказывал мне, что Ваши семьи пребывали не в лучших отношениях. Тем не менее, он верил, что, в память о Вашей покойной сестре, Вы пожелаете принять ее дитя, чтобы воспитать сироту у себя на Востоке, где ее корни и родня. Исходя из этого, я к Вам и обращаюсь.

Ко времени, когда Вы получите это письмо, девочка будет готова к отъезду, если Вы изъявите желание принять ее. В этом случае мы были бы Вам очень признательны за незамедлительный ответ, поскольку одна местная супружеская чета как раз собирается в Ваши края. Эти люди могли бы довести девочку до Бостона, где посадили бы ее на Белдингсвилльский поезд. Разумеется, о дате приезда Поллианны и номере ее поезда Вы будете извещены своевременно.

В надежде на скорый благоприятный ответ, остаюсь искренне Ваш,
Джеремайя О. Уайт».

Нахмурившись, Мисс Полли сложила письмо и спрятала его обратно в конверт. Ответ она отправила еще вчера, сообщив мистеру Джеремайе О. Уайту, что, конечно же, примет ребенка. Она надеялась, что ее чувство долга окажется достаточно сильным, насколько тягостной бы ни была свалившаяся на ее плечи обязанность.

Сейчас, сидя с письмом в руках, она вспоминала свою покойную сестру Дженни, мать этой самой девочки. Мисс Полли мысленно возвращалась ко времени, когда двадцатилетняя Дженни, вопреки мнению семьи, настояла на браке с молодым пастором. А ведь за ней ухаживал состоятельный жених, которого родители, в отличие от Дженни, считали более достойной партией. Но Дженни и слышать о нем не хотела. Состоятельный жених, благодаря более солидному возрасту и деньгам, обладал необходимым опытом и положением, тогда как у пастора имелась лишь голова, полная юношеских идеалов, и сердце, преисполненное любви и восторгов. Дженни предпочла последнее — что, возможно, вполне естественно — и вышла замуж за пастора. Став женой миссионера, она отправилась с ним на Юг.

После этого всякие отношения были разорваны. Мисс Полли хорошо помнила, как все происходило, хотя ей, самой младшей в семье, тогда едва исполнилось пятнадцать. Семья больше не интересовалась жизнью жены миссионера.

Однажды Дженни сообщила о рождении дочери, которую она назвала Поллианной — в честь сестер, Полли и Анны. Девочка стала единственным ее ребенком: рожденные до нее дети не выжили. То письмо от Дженни было последним. А несколько лет спустя из городка на Западе пришло составленное самим пастором сообщение о смерти жены, краткое, но преисполненное искренней боли.

Тем временем, жизнь не стояла на месте и в большом доме на Холме. Глядя на раскинувшуюся внизу необъятную долину, мисс Полли перебирала в памяти все изменения, произошедшие с ней за эти двадцать пять лет.

Теперь ей сорок, и она осталась одна в этом мире. Отец, мать, сестры — все умерли. Уже на протяжении многих лет она оставалась единственной хозяйкой поместья и капиталов, завещанных ей отцом. Находились люди, открыто высказывавшие ей сожаление по поводу ее одиночества. Они убеждали ее, что ей следует подыскать себе подругу или компаньонку. Но мисс Полли не принимала ни их жалости, ни их советов. Она вовсе не одинока, уверяла она их. Ей нравится быть самой по себе. Она предпочитает покой. Но теперь...

Все так же хмуря брови и поджимая губы, мисс Полли встала, довольная тем, что она хорошая женщина. Ведь она не только сознавала свой долг, но и обладала достаточной силой воли, чтобы этот долг исполнить. Однако... Поллианна!.. Что за нелепое имя!

Глава 2. Старик Том и Нэнси

Нэнси старательно подметала и отмывала комнатку на чердаке, особое внимание уделяя углам. Впрочем, усердие, с которым она принялась за работу, свидетельствовало не столько о ее решимости бороться с грязью, сколько о необходимости дать выход чувствам. Нэнси не была образцом покорности, при всем своем безропотном повиновении хозяйке.

— Вот бы вы-мести вот так... угол-ки ее ду-ши! — отрывисто приговаривала она в такт яростным движениям своей безжалостной швабры. — Похоже, в ее душе хватает мрачных и пыльных уголков.

Иначе как ей могла прийти в голову мысль запихнуть несчастное дитя в крохотную душную комнатушку, не отапливаемую зимой, при том, что в огромном доме столько пустующих комнат на выбор!

— «Никому не нужны детей!»! — возмущалась Нэнси, выкручивая тряпку с такой силой, что пальцы сводило. — Не думаю, что именно дети так уж прямо никому и не нужны.

Некоторое время она работала молча. Затем, покончив с уборкой, девушка брезгливым взглядом окинула неуютную комнатушку.

— Что ж, я свою работу выполнила, — вздохнула она. — Теперь в этой пустой комнатке даже грязи не осталось. Бедная крошка! Надо же! Запереть в подобном чулане одинокую, и без того тоскующую по дому сиротку!

Выходя из комнаты, Нэнси непроизвольно хлопнула дверью.

— Ой! — с досадой закусил губу. — Ну и ладно, — сердито буркнула она в следующее мгновение.

Но про себя Нэнси подумала: «Надеюсь, она все же не слышала, как я хлопнула дверью!».

В тот самый день, ближе к вечеру, Нэнси нашла время, чтобы выйти в сад и поговорить со стариком Томом, который с незапамятных времен пропалывал клумбы и расчищал дорожки в поместье.

— Мистер Том, — начала Нэнси, быстро оглянувшись, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает, — вы знаете, что к мисс Полли приезжает маленькая девочка? Насовсем. Будет здесь жить.

— Чего? — изумился старик, с трудом распрямляя спину.

— Девочка. Она поселится у мисс Полли.

— Шутница ты! — недоверчиво ухмыльнулся Том. — Скажи еще, что завтра на востоке закатится солнце.

— Честное слово! — настаивала Нэнси. — Мисс Полли сама мне и сказала. Это ее племянница, ей одиннадцать лет.

Ошарашенный, садовник разинул рот.

— Ну, дела! Так это ж, небось... — забормотал он, и его выцветшие глаза засветились нежностью. — Невероятно! Это, должно быть, малышка незабвенной мисс Дженни! Из остальных сестер ведь ни одна и замужем-то не была... Точно, Нэнси, это дочурка мисс Дженни. Хвала Всевышнему, я хоть на старости лет ее увижу!

— А мисс Дженни — это кто?

— Она была ангелом небесным, — восторженно проговорил Том, — а старым хозяевам она приходилась старшей дочерью. Ей было всего двадцать, когда она вышла замуж и уехала. Это было много лет назад. Я слышал, у нее все детки умерли, кроме последней девочки. По всей видимости, она то и должна к нам приехать.

— Ей одиннадцать лет.

— Да, вполне вероятно, — утвердительно кивнул головой садовник.

— Она будет спать в бывшем чулане. И как только человеку не стыдно? — с осуждением сказала Нэнси, вновь с опаской оглянувшись на хозяйский дом.

Старый Том на мгновение нахмурился, но тут же удивленно поднял брови.

— Интересно только, как мисс Полли выдержит ребенка в доме, — усмехнулся он.

— Хм! А мне интересно, как ребенок выдержит мисс Полли в ее доме! — хмыкнула Нэнси презрительно.

Старик засмеялся.

— Похоже, ты не жалуешь нашу мисс Полли, — насмешливо заметил он.

— Как будто кто-нибудь может испытывать к ней какие-либо теплые чувства! — пренебрежительно отозвалась Нэнси.

Том загадочно улыбнулся. Он снова наклонился и занялся сорняками.

— Ты, небось, ничего не знаешь о любовной истории мисс Полли? — значительно проговорил он.

— О ее любовной истории? Нет, не знаю! Я так понимаю, никто не может знать о том, чего не было.

— Чего там не было! Что было, то было, — философски кивнул головой старик. — Он ведь и нынче живет, вот прямо в нашем городе и живет.

— Он, кто?

— Я тебе этого не скажу. Негоже мне было бы так поступить.

Старик снова выпрямился. Он стоял лицом к дому, и в его тусклых синих глазах читалось гордое достоинство преданного слуги, в течение многих лет честно служившего хозяйской семье.

— Такое даже и в голове не укладывается: она... и возлюбленный, — не унималась Нэнси.

Старик Том покачал головой.

— Ты не знаешь мисс Полли так давно, как я, — возразил он. — В свое время она была по-настоящему красивой. И была бы до сих пор, если бы только сама захотела себе это позволить.

— Мисс Полли? Красавицей?

— Да. Распусти она сейчас волосы, как раньше, чтоб они лежали свободными локонами, а не были стянуты в клубок, да надень она шляпку с букетиками и белое платье с кружевами, ты бы сама увидела, какая она красивая! На самом деле, Нэнси, мисс Полли ведь не старая.

— В самом деле? — ухмыльнулась Нэнси. — В таком случае она очень уж убедительно изображает пожилую даму.

— Да, так и есть. Она изменилась, когда у них не заладилось с ее возлюбленным, — сокрушенно покачал головой старик Том. — С тех пор словно кто ей горькую полынь да чертополох в пищу подсыпает, такой она сделалась желчной и раздражительной.

— Вот это уж точно, — с негодованием подтвердила Нэнси. — Как ни старайся ей угодить, она все недовольна. Я бы здесь ни за что не оставалась, если бы не жалованье, в котором так нуждаются мои домашние. Но в один прекрасный день я не выдержу и все ей выскажу. Тогда мне придется распрощаться с этим домом. Вот точно вам говорю, мистер Том, не выдержу. Тогда, конечно, прости-прощай, моя работа.

Старый Том вновь покачал головой.

— Я понимаю, деточка. Мне это знакомо. Думаешь, я этого не ощущал? Да только это ведь не выход. По крайней мере — не лучший. Поверь мне, милая, не лучший.

И он снова согнул спину, возвращаясь к своей работе.

— Нэнси! — донесся резкий голос хозяйки.

— Да, мэм, — пролепетала Нэнси, и быстро зашагала к дому.

Глава 3. Прибытие Поллианны

В надлежащее время принесли обещанную телеграмму. В ней сообщалось, что Поллианна прибывает в Белдингсвилль на следующий день — двадцать пятого июня, в четыре часа дня. Прочитав телеграмму, мисс Полли с хмурым видом поднялась в комнатушку под самой крышей. Все еще насупленная, она придирчиво осмотрела обстановку.

В комнате стояли аккуратно застланная кровать, два стула с прямыми спинками, туалетный столик с умывальными принадлежностями, трюмо без зеркала и конторка. Не было ни штор-драпри на слуховых окнах, ни картин на скошенных стенах. За целый день солнце так накалило крышу, что комнатенка была словно разогретый духовой шкаф. Окна не открывали из-за отсутствия на них защитных сеток от насекомых. Жирная муха жужжала, пытаясь вылететь сквозь оконное стекло.

Мисс Полли прихлопнула муху и выбросила ее вон, чуть приподняв для этого раму. Она выпрямилась, нахмурилась пуще прежнего и покинула комнату.

— Нэнси, — сказала она через несколько минут, задержавшись у кухонной двери, — в комнате мисс Поллианны летала муха. Это значит, что там открывали окна. Я заказала сетки от насекомых. Но пока их не доставят, я убедительно просила бы тебя проследить за тем, чтобы окна в комнате мисс Поллианны оставались закрытыми. Моя племянница прибывает завтра в четыре часа дня. Я хочу, чтобы ты встретила ее на вокзале. Тимоти заложит бричку и отвезет тебя. В телеграмме сказано: «Светлые волосы, ситцевое платье в красную клетку и соломенная шляпка». Больше мне ничего не известно, однако, думаю, этого и так достаточно.

— Да, мэм, конечно. А вы не...?

Мисс Полли несомненно поняла неозвученный вопрос.

— Нет, я не поеду, — с недовольным видом ответила она. — В этом, я думаю, нет никакой необходимости.

Таким образом, после всех необходимых хлопот, связанных с подготовкой к приезду племянницы, мисс Полли удалилась.

Нэнси, отпаривавшая кухонные полотенца на кухне, с яростью прошлась раскаленным утюгом по влажной ткани, выдавив из нее облако шипящего пара.

«Светлые волосы, ситцевое платье в красную клетку и соломенная шляпка». Ей, видите ли, больше ничего не известно. Мне было бы стыдно в таком признаться. Стыдно-престыдно! Если бы моя единственная племянница ехала ко мне через весь континент!»

На следующий день, ровно без двадцати четыре, Тимоти и Нэнси выехали в бричке на вокзал. Тимоти приходился сыном старику Тому. В городке говорили, что, если старый Том — правая рука мисс Полли, то Тимоти, должно быть, левая.

Этот молодой человек отличался не только доброй душой, но и приятной наружностью. За то недолгое время, что Нэнси работала у мисс Полли, она успела подружиться с Тимоти. Однако сегодня Нэнси была слишком сосредоточена на возложенном поручении, чтобы проявлять свою обычную болтливость. Поэтому весь путь до станции они проделали почти в полном молчании.

«Светлые волосы, ситцевое платье в красную клетку и соломенная шляпка», — снова и снова повторяла

она мысленно эти скудные приметы и спрашивала себя, какой же на самом деле окажется эта Поллианна?

— Для нее же самой лучше, если она тихая и благоразумная, не роняет ножи на пол и не хлопает дверью, — со вздохом поведала они Тимоти, который прогуливался рядом с ней в ожидании поезда.

— Ну, если она не такая, не хочу даже думать о том, что нас всех ожидает, — криво ухмыльнулся Тимоти. — Вообрази себе, мисс Полли и беспокойный ребенок!.. Поезд! Слышишь, свисток!

— Ох, Тимоти, по-моему, это было жестоко — послать на вокзал меня! — тараторила Нэнси, торопливо шагая к месту, откуда удобнее всего было разглядывать пассажиров, сходящих с поезда на маленькой станции.

Нэнси не пришлось долго ждать, чтобы увидеть ее — худенькую девочку с двумя тугими русыми косичками, одетую в ситцевое платье в красную клетку. Под соломенной шляпкой — живое веснушчатое личико. Она вертела головой во все стороны, явно ища кого-то взглядом.

Нэнси сразу же узнала ее, но ей понадобилось некоторое время, чтобы унять дрожь в коленях — только тогда она смогла подойти к девочке. Поэтому, когда она наконец приблизилась к Поллианне, та уже стояла одна: остальные пассажиры поезда успели разойтись кто куда.

— Вы мисс Поллианна? — промямлила Нэнси несмело и в следующее мгновение чуть не задохнулась от крепких объятий двух худеньких, но цепких ручек обладательницы платья в красную клетку.

— Ой! Как же я рада! Я так рада, рада видеть тебя! — раздался звонкий голосок прямо над ухом Нэнси. — Ну конечно же, я Поллианна! Я так рада, что ты приехала встретити меня! Я так надеялась поскорее увидеть тебя!

— Ты... меня... взаправду? — запинаясь, пролепетала Нэнси, слегка обескураженная тем, как вообще Поллианна могла надеяться на встречу с ней, не зная о ее существовании.

— Ты, меня? — переспросила она еще раз, пытаясь поправить сбившуюся шляпку.

— Ой, да! По дороге сюда, я только о том и думала, какая же ты! — воскликнула девочка, пританцовывая на цыпочках и жадно разглядывая Нэнси с головы до пят. — А теперь знаю, какая ты, и мне очень нравится, что ты выглядишь именно так, как ты выглядишь!

Смущенная всеми этими речами, Нэнси почувствовала некоторое облегчение, только когда к ним подошел Тимоти.

— Вот наш Тимоти, — представила она его. — Наверное, у тебя есть саквояж?

— Да, имеется — важно кивнула головой Поллианна. — У меня совершенно новый саквояж. Мне его купили дамы из Женского благотворительного общества. Представляют, как мило с их стороны? Тем более, учитывая, что они хотели купить ковер для церкви! Уж не знаю, сколько красного ковра можно купить вместо саквояжа, но, думаю, хватило бы на половину прохода между скамьями. Как вы думаете? У меня тут в сумочке такая записочка. Мистер Грей сказал, что это квитанция, и что я должна отдать ее вам, чтобы вы получили мой багаж. Мистер Грей — это муж миссис Грей. Они родственники жены диакона Карра. Мы вместе ехали с самого Запада. Они оба очень милые...

Не прекращая щебетать, Поллианна сосредоточенно рылась в своей сумочке.

— А, вот она! — воскликнула девочка, вытащив квитанцию.

Нэнси инстинктивно глубоко вдохнула, как бы почувствовав, что после такой тирады кто-то должен перевести дух. Затем она украдкой взглянула на Тимоти, но не сумела поймать его взгляд, который он старательно отводил в сторону.

Наконец, установив саквояж за сиденьем, они устроились в бричке втроем — Поллианна уютно втиснулась между Нэнси и Тимоти. При этом девочка не прекращала рассказывать, комментировать, спрашивать... Ошеломленная этим речевым потоком, Нэнси даже запыхалась, едва успевая отвечать ей.

— Ух ты! Как красиво! А нам далеко? Хорошо бы, если бы далеко — я люблю ездить в коляске, — вздохнула Поллианна, когда бричка тронулась. — Но если это не далеко, я не стану расстраиваться, потому что я рада буду приехать поскорее. Какая красивая улица! Я так и знала, что она красивая! Мне папа рассказывал...

Она вдруг замолчала, словно у нее перехватило дыхание. Нэнси обернулась к девочке и увидела, что у той дрожит подбородок, а в глазах блестят слезы. Но мгновение спустя, Поллианна, бодро вскинув голову, продолжала:

— Папа мне все-все рассказывал, все, что он сам помнил. И еще мне следовало сразу объяснить вам — миссис Грей так сказала — насчет моего платья. То есть почему я не в черном. Она сказала, что вам это, наверное, покажется странным. Но в последней партии пожертвований в миссии не нашлось ничего черного, кроме бархатной баски, и жена диакона Карра сказала, что баска мне все равно совершенно не годится. Вдобавок, она была еще и с проплешинами — знаете, на локтях и в других местах. Некоторые дамы из Женского благотворительного общества хотели купить мне черное платье и шляпку, но другие подумали, что деньги нужнее на красный ковер для церкви, на который они давно собирали, вы понимаете. Миссис Уайт сказала, может, это и к лучшему, потому что ей не нравятся дети в трауре. Я имею в виду, дети-то ей как раз

нравятся, но лучше — чтоб не в черном.

Поллианна прервалась на секунду, чтобы набрать воздуха, благодаря чему Нэнси сумела вклиниться:

— Ну, я уверена, платье никого не смутит.

— Я рада, что ты так считаешь. Мне тоже так кажется, — закивала головой Поллианна, и у нее снова чуть перехватило дыхание. — Тем более, как бы я радовалась, будь я вся в черном?..

— Радовалась? — удивленно перебила ее Нэнси.

— Да... что папа отправился в Рай, к маме и всем нашим. Он говорил, я должна быть этому рада. Но все же это нелегко, быть довольной, потому что мне его так не хватает... Я ничего не могу поделать с тем, что чувствую, как он мне нужен. Тем более, у мамы и всех ее остальных деток есть Бог и ангелы, а у меня никого нет, кроме дам из Женского благотворительного общества. Но теперь, я уверена, мне будет легче. Потому что теперь у меня есть ты, тетя Полли! Я так рада, что ты у меня есть!

Сочувствие, которое Нэнси испытывала к одинокой девочке-сироте внезапно переросло в панический страх за этого ребенка.

— Ах, но... милая... ты ужасно ошибаешься, — запинаясь, принялась она торопливо объяснять. — Я всего лишь Нэнси. Я вовсе не твоя тетя Полли!

— Ты не... ты не она? — растерянно проговорила девочка.

— Нет, я всего лишь Нэнси. Мне и в голову не приходило, что ты меня спутаешь со своей тетей. Мы ни капельки с ней не похожи. Вот уж, нет!

Тимоти тихонько хохотнул, но Нэнси была так встревожена, что даже не ответила на его шуточный взгляд.

— Кто же ты тогда? — спросила Поллианна. — Ты ничуть не похожа на даму из Женского благотворительного общества.

На этот раз Тимоти откровенно расхохотался.

— Я Нэнси, прислуга у мисс Полли. Я выполняю всю домашнюю работу, кроме стирки и глажки тяжелым утюгом. Этим занимается миссис Дерджин.

— Но тетя Полли существует? — обеспокоенно поинтересовалась девочка.

— Еще как существует! — встрял в разговор Тимоти. — Не сомневайся!

Поллианна, со всей очевидностью, успокоилась.

— В таком случае все в порядке.

На какое-то мгновение наступила тишина. После чего Поллианна весело сообщила:

— А знаешь, я даже рада, что не она приехала встретить меня. Потому что теперь меня еще только ожидает знакомство с тетечкой, а у меня уже есть ты, такая замечательная.

Нэнси зарделась. Тимоти обернулся к ней, насмешливо улыбаясь.

— По-моему, тебе сделали тонкий комплимент, — заметил он. — Могла бы и поблагодарить юную леди.

— Я задумалась, — смущенно ответила Нэнси, — задумалась о мисс Полли.

Поллианна удовлетворенно вздохнула.

— Я тоже о ней думала. Она невероятно мне интересна. Знаете, она ведь моя единственная в мире тетя, а я очень долгое время вообще не знала, что она у меня есть. А потом папа мне рассказал. Он сказал, она живет в большом красивом доме на вершине холма.

— Так и есть, — подтвердила Нэнси. — Его отсюда уже видно: вон тот большой белый дом впереди, с зелеными ставнями.

— Ой, какой красивый! И вокруг него столько деревьев и травы! Я никогда еще не видела столько зеленой травы! Я имею в виду в одном месте. Нэнси, а моя тетя Полли богатая?

— Да, мисс Поллианна.

— Ой, я так рада! Должно быть это здорово, когда у тебя много денег! Я не знала никого, у кого бы их было много. Вот только Уайты, те, конечно, богачи. У них ковры в каждой комнате, а по воскресеньям всегда мороженое. А тетя Полли по воскресеньям ест мороженое?

Нэнси отрицательно покачала головой, губы ее непроизвольно скривились в усмешке, и она бросила на Тимоти саркастический взгляд.

— Нет, дорогая, твоя тетя не любит мороженого. Мне, во всяком случае, не доводилось видеть мороженое на ее столе.

У Поллианны вытянулось лицо.

— Не любит? Вот те раз! Не представляю себе, как можно не любить мороженое. Но, как бы там ни было, я могу этому только порадоваться, потому что от мороженого, которое не съел, не станет болеть живот. Я у миссис Уайт съедала столько мороженого, что у меня потом часто болел живот. А ковры у тети Полли есть?

— Да, ковры у нее есть, — подтвердила Нэнси.

— В каждой комнате?

— Ну, почти в каждой, — ответила Нэнси, внезапно нахмурившись, при воспоминании о комнатухе под самой крышей, где не было никакого ковра.

— Ой, я так рада! — воскликнула Поллианна. — Я люблю ковры. У нас дома их не было. Только две маленькие дорожки из благотворительных посылок. Одна из них, к тому же, была в чернильных пятнах. А у миссис Уайт еще и картины на стенах, изумительно красивые. С розами и коленопреклоненными маленькими девочками, а еще — с котятками, с овечками и львом. Ну, не все вместе, конечно, а по отдельности. Правда, в Библии сказано, что лев и ягненок будут вместе, но это еще не сейчас. То есть у миссис Уайт на картинах они пока по отдельности. Ты любишь красивые картины?

— Я?.. я не знаю, — неуверенно ответила Нэнси.

— А я люблю картины. Только у нас дома их не было, потому что в пожертвованиях они попадаются не так уж часто. Нам, правда, попались целых две. Но одна оказалась так хороша, что папа продал ее, чтобы купить мне ботинки. А другая была так плоха, что развалилась, как только мы ее повесили: стекло треснуло, знаешь. А я тогда расплакалась. А теперь я даже рада, что у нас не было всех этих красивых вещей. Потому что теперь мне тем более будут нравиться те, что у тети Полли. Я ведь к ним не привыкла, понимаете? Это все равно, что найти в партии пожертвований миленькие яркие ленты для волос, после того, как в предыдущих партиях попадались одни лишь выцветшие коричневые. Ух ты, какой потрясающе красивый дом! — перебила сама себя Поллианна в тот момент, когда они выехали на широкую аллею, ведущую к имению.

Когда Тимоти стаскивал с брочки саквояж, Нэнси улучила момент и тихо проговорила ему на ухо:

— И не говори мне больше никогда, мол, каждый вправе уйти. Так и знай, Тимоти Дерджин, меня теперь даже подкупом отсюда не заставишь уйти!

— Уйти? Ни в коем случае! — усмехнулся молодой человек. — Меня отсюда и силой не вытянешь. С этой девчужкой здесь веселья каждый день будет больше, чем в кинематографе.

— «Веселье, веселье!»! — возмущенно передразнила его Нэнси. — Я боюсь, бедняжку ожидает отнюдь не веселье, когда они с теткой заживут вместе. Думаю, ей понадобится надежное укрытие на случай грозы. И я стану для нее таким укрытием, Тимоти. Это я твердо тебе обещаю.

Произнеся эту клятву, она обернулась к Поллианне и повела ее вверх по широкой лестнице.

Глава 4. Каморка под крышей

Мисс Полли не поднялась, чтобы встретить племянницу. Правда, она оторвалась от чтения, как только девочка в сопровождении Нэнси показалась в дверях гостиной. Тетушка протянула ей руку, выразив этим значительным жестом всю глубину осознаваемого ею чувства долга.

— Здравствуй, Поллианна. Я...

Мисс Полли не сумела закончить начатую фразу, поскольку Поллианна, в стремительном полете преодолев расстояние от двери до тетушки, с размаху плюхнулась на ее негостеприимно напрягшиеся колени.

— Ах, тетя Полли, тетя Полли! Я нарадоваться не могу тому, что ты взяла меня жить к себе, — заговорила она, громко всхлипывая. — Ты даже не представляешь себе, как потрясающе замечательно, что у меня теперь появилась и ты, и Нэнси, и все-все, после того, как у меня оставались только дамы из Женского благотворительного общества!

— Вполне возможно. Хоть я и не имею чести знать дам из Женского благотворительного общества, — сухо заметила мисс Полли, пытаясь расцепить обхватившие ее шею цепкие ручонки и направив сердитый взор на застывшую в дверях Нэнси.

— Нэнси, ты свободна. Можешь идти. Поллианна, будь добра, встань подобающим образом. Я ведь тебя еще даже не разглядела, как следует.

Заливаясь смехом, словно в истерике, Поллианна вскочила на ноги.

— Нет, тетечка, конечно, не разглядела. Да только и смотреть-то особо не на что, с моими-то веснушками... И, ах, да! мне ведь нужно бы объяснить тебе насчет этого красного ситцевого платья и черной бархатной баски с проплешинами на локтях. Я уже говорила Нэнси, мой папа сказал...

— Да, да, хорошо. Сказал и сказал, это неважно, — резко перебила ее тетя Полли. — У тебя есть багаж, я полагаю?

— Ну, конечно, тетя Полли. У меня есть прекрасный саквояж. Мне его подарили дамы из Женского благотворительного общества. В нем не так уж много вещей, я имею в виду, моих собственных мало. В последних партиях пожертвований маловато чего попадалось из одежды для девочек. Но зато я привезла все папины книги. Миссис Уайт сказала, она считает, мне следует сохранить их у себя. Понимаешь, мой папа...

— Поллианна, — еще более резко перебила ее мисс Полли, — я хочу, чтобы ты с самого начала уяснила

себе одну вещь: я не расположена к тому, чтобы выслушивать твои нескончаемые рассказы об отце и о том, что он там тебе наговорил.

Девочка замолчала, робко затаив дыхание.

— Но ведь... Тетя Полли, ты хочешь сказать... хочешь сказать, что...

Она не решилась закончить фразу, но тетушка сама заполнила паузу:

— Мы сейчас поднимемся в твою комнату. Багаж должен быть уже там. Я велела Тимоти, если у тебя будут какие-то вещи, отнести их наверх. Пойдем со мной, Поллианна.

Поллианна безмолвно последовала за тетей. В глазах у нее стояли слезы, но голову она держала высоко поднятой.

«Впрочем, я только рада, что тетя запретила мне говорить об отце, — рассуждала Поллианна. — Пожалуй, мне и самой будет легче, если я не стану о нем говорить. Наверное, именно это она имела в виду, когда запретила о нем говорить».

Вновь убедив себя, таким образом, в доброте своей тетушки, Поллианна поморгала, чтобы прогнать слезы и бодро огляделась по сторонам.

Они поднимались по лестнице. Впереди торжественно шуршали тетушкины черные шелковые юбки. Через приоткрытую дверь в одну из комнат, Поллианна увидела светлые ковры и обитые атласом кресла. Ковровая дорожка, покрывавшая ступеньки лестницы, по которой они шли, напоминала волшебный лесной мох. Лучи солнца рассыпались искристыми бликами, пробиваясь сквозь кружевные занавески, и мерцали золотом на великолепных рамах картин.

— Ах, тетя Полли, тетя Полли, — восторженно прошептала девочка, — какой совершенно восхитительный дом! Ты, должно быть, ужасно рада, что ты такая богатая.

— Поллианна! — резко обернулась к ней тетушка, как раз достигшая верхней площадки. — Меня удивляет, как ты позволяешь себе обращаться ко мне с подобными речами!

— Но, тетя Полли, разве ты не рада? — искренне изумилась Поллианна.

— Разумеется, нет, Поллианна. Я надеюсь никогда не впасть в грех гордыни до такой степени, чтобы кичиться тем, что в своей милости даровал мне Господь, — торжественно изрекла тетушка, — и уж, по крайней мере, не богатством!

Мисс Полли отвернулась и продолжила путь к двери, ведущей на лестницу мезонина. Теперь она была вдвойне довольна тем, что определила племянницу на мансардный этаж. Изначально она руководствовалась желанием держать племянницу по возможности дальше от себя и в тоже время — необходимостью уберечь ценную обстановку от детской небрежности. Теперь же склонность к суетному преклонению перед роскошью, которую девочка так рано проявила, подтвердила правильность решения мисс Полли. Она была рада, что комната, которую она подыскала, была столь проста и практична.

Поллианна бодро семенила за тетушкой и таращила свои огромные синие глаза во все стороны, стараясь не проглядеть ничего из восхитительных вещей, наполнявших этот дом. Разум ее напряженно работал, пытаясь разрешить исключительно злободневный вопрос: за какой же из этих таинственных дверей окажется ее собственная комната? Прекрасная комната с коврами, картинами и портьерами — все для нее одной! Вдруг тетушка отворила дверь и стала подниматься по еще одной лестнице.

В комнате, в которую они вошли, практически не на что было смотреть. Это было большое мрачное помещение под крышей, своды которой опускались почти до пола. Кругом были совершенно голые стены. В глубине комнаты виднелась пирамида из многочисленных сундуков и коробок. Здесь было жарко, а дышать спертым воздухом было так трудно, что Поллианна непроизвольно задрала голову повыше. Тут она увидела, что тетя отворила дверь справа.

— Вот, Поллианна, это твоя комната. И саквояж твой уже здесь, как я вижу. Ключ у тебя с собой?

Поллианна обескуражено кивнула, глядя на тетку широко раскрытыми, испуганными глазами. Та нахмурилась:

— Поллианна, когда я задаю тебе вопрос, я хочу слышать вразумительный ответ. Кивок головой меня не устраивает.

— Да, тетя Полли.

— Спасибо. Так-то лучше. Я думаю, здесь ты найдешь все, что может тебе понадобиться, — добавила она, удовлетворенно окинув взглядом свежие полотенца на подставке и наполненный кувшин возле умывальника.

— Я пришлю сюда Нэнси. Она поможет тебе разобрать вещи. Ужин в шесть часов, — закончила мисс Полли, выходя из комнаты и спускаясь вниз по лестнице.

Какое-то время после того, как тетушка вышла, Поллианна стояла неподвижно, глядя ей вслед. Затем она окинула удивленным взглядом голые стены, голый пол и голые окна. В конце концов она остановила взгляд на небольшом саквояже, который еще не так давно стоял в ее маленькой комнате, в родительском доме, на теперь действительно далеком Западе. Как во сне, она подошла к саквояжу, упала рядом с ним на

колени, и опустила лицо в сложенные лодочкой ладони.

В таком виде и застала ее Нэнси, войдя в комнату несколько минут спустя.

— Голубка ты моя, горемычная моя, — стала она вполголоса утешать девочку, опустившись рядом с ней на пол и прижав ее к себе, — именно этого-то я и боялась.

Поллианна отрицательно покачала головой:

— Нет, Нэнси, я негодная грешница, ужасная грешница, — проговорила она, всхлипывая. — Я никак не могу растолковать себе самой, что папа нужен Богу и ангелам больше, чем мне.

— Да ничего он им не нужен, — уверенно заявила Нэнси.

— Ох, Нэнси! — в глазах Поллианны вспыхнул такой ужас, что даже слезы высохли.

Нэнси в ответ смущенно улыбнулась и энергично вытерла собственные глаза.

— Что ты, что ты, деточка, я ведь ничего такого не имела в виду, — воскликнула она. — Где там ключик от твоего саквояжа? Сейчас мы быстренько его откроем и разложим твои вещи по ящикам.

Заплаканная Поллианна достала ключ.

— Да вещей там не так и много, — пробормотала она.

— Тем быстрее мы с ними управимся, — резонно заметила Нэнси.

Лицо Поллианны вдруг озарилось улыбкой.

— Вот именно! Разве же это не повод порадоваться?

Нэнси удивленно подняла на нее глаза.

— Ну, да... почему бы и нет, — ответила она несколько неуверенно.

Со свойственной ей ловкостью, Нэнси быстро распаковала саквояж, достав из него книги, заплатанное белье и несколько до неприличия непривлекательных платиц. Поллианна, мужественно овладев своими чувствами, с улыбкой порхала по комнате, развешивая одежду в шкафу, складывая книги стопкой на столе и убирая белье в ящики комода.

— Теперь, я уверена, комнатка будет просто загляденье. Как считаешь, Нэнси? — спросила она по прошествии некоторого времени.

Ответа не последовало. Нэнси с головой была поглощена в разбор саквояжа. Поллианна же, стоя у трюмо, с некоторой тоской глядела на голую стену в том месте, где предполагалось зеркало.

— А еще я могу порадоваться тому, что трюмо без зеркала. Так я не увижу своих веснушек.

Нэнси вдруг издала какой-то странный звук, но когда Поллианна обернулась к ней, та снова была сосредоточена на саквояже. Вскоре, подойдя к одному из окошек, Поллианна захлопала в ладоши от радости и восторженно воскликнула:

— Ой, Нэнси! Как я сразу не заметила! — восхищенно вздохнула она. — Ты посмотри, какой отсюда открывается вид на все эти деревья и домики, и на эту великолепную церковь со шпилем! А река блестит, словно серебро! Вот и скажи, Нэнси, зачем кому-то нужны еще и картины, если из окна открывается такой вид. Как я рада, что тетя поселила меня в этой комнатке!

В ответ Нэнси, к удивлению и огорчению Поллианны, разразилась слезами. Поллианна поспешила к ней, чтобы как-то утешить.

— Нэнси! Нэнси! Что же ты? — испуганно спросила Поллианна. — Уж не твоя ли это была комната?

— Моя комната? — ошеломленно переспросила Нэнси. — Ну не ангел ли ты, сошедший к нам с небес? И если кое-кто не устыдится, прежде, чем... Ох, это она и звонит — вызывает меня!

И, прервав свою вдохновенную речь, Нэнси вскочила на ноги, выбежала из комнатки и затопала вниз по лестнице. Оставшись одна, Поллианна вернулась к своей «картине», как она мысленно назвала окно с открывавшимся из него великолепным видом. Немного постояв в задумчивости, девочка осторожно тронула раму мансардного окна, так как не могла больше выносить духоту. К ее радости, рама легко поддалась. В следующее мгновение окно было распахнуто настежь, а Поллианна, выставив голову наружу, вдыхала свежий воздух полной грудью.

Затем она побежала ко второму окну и распахнула его тоже. Огромная муха пролетела мимо ее носа и стала с жужжанием кружить по комнате. За первой мухой влетела еще одна, а за той еще одна. Но Поллианна не обращала на мух никакого внимания: слишком значительным было только что сделанное ею открытие — перед самым окном раскинуло пышную крону высокое дерево. Поллианне его могучие ветви казались дружески протянутыми к ней руками. Вдруг она рассмеялась.

— Думаю, я сумею, — пробормотала она, обращаясь сама к себе.

В следующее мгновение она уже проворно перебиралась с подоконника на оконный карниз. Оттуда несложно было дотянуться до ближайшей ветви дерева. Затем, цепляясь, словно обезьянка, и перепрыгивая с одной ветки на другую, Поллианна добралась до самой нижней. Спрыгнуть оттуда на землю было страшновато, даже для привыкшей карабкаться по деревьям Поллианны. Тем не менее, она, с колотящимся от страха сердцем, повисла, ухватившись за ветку, слегка раскачалась на своих цепких ручках, и спрыгнула, приземлившись на четвереньки на мягкую траву. Затем она поднялась на ноги и с любопытством

осмотрелась.

Она оказалась за домом. Перед ней раскинулся сад, а в саду, склонившись над клумбой, работал садовник. За садом виднелась узенькая тропинка, ведущая через открытое поле на вершину крутого холма, где у могучего валуна, словно часовой, стояла одинокая сосна. В этот момент девочка не думала ни о чем другом, кроме как о том, что на верх этого огромного валуна просто необходимо было попасть!

Поллианна оббежала клумбу, где копался старик-садовник, промчалась между аккуратными рядами кустарников и деревьев и, слегка запыхавшись, выбежала на тропинку. Вскоре дорога пошла в гору. Девочка решительно двинулась к своей цели, хотя уже начала осознавать, какой далекий путь ей предстоит преодолеть до заветного валуна, который казался таким близким, когда она смотрела на него у дома.

Через пятнадцать минут часы в холле огромного дома Харрингтонов пробили шесть. С последним ударом часов Нэнси позвонила в колокольчик, приглашая к ужину.

Прошла минута, две, три. Мисс Полли уже была в столовой, а девочка все не объявлялась. Мисс Полли нахмурилась и даже топнула ногой. Она резко поднялась, вышла в холл, с нетерпеливым раздражением посмотрела на лестницу. С минуту она внимательно прислушивалась. Затем решительно вернулась в столовую.

— Нэнси, — твердо сказала она, как только появилась прислуга, — моя племянница опаздывает к ужину.

— Нет, отдельного приглашения ей не надо, — строго остановила она Нэнси, которая метнулась было в сторону холла. — Я заблаговременно предупредила ее о времени ужина. Пускай сама расплачивается за свою расхлябанность. Заодно научится пунктуальности. Когда она спустится, дашь ей хлеба с молоком на кухне.

— Да, мэм.

Хорошо, что мисс Полли не видела лица Нэнси в этот момент...

После ужина, как только представилась возможность, Нэнси прокралась по черной лестнице на мансарду.

— Хлебом с молоком! Слыханное ли дело! За то, что дитя, наплакавшись, случайно уснуло с дороги, — бормотала она сердито, открывая дверь в комнатку.

Войдя же, Нэнси испуганно вскрикнула.

— Где же ты! Куда подевалась? Куда ты исчезла? — приговаривала она, заглядывая в шкаф, под кровать и даже в саквояж и в кувшин для умывания.

Затем она сбежала вниз по лестнице и бросилась к старику Тому в сад.

— Мистер Том, мистер Том, чудесное дитя исчезло! — запричитала она. — Словно вознеслась прямо в Рай, откуда к нам и спустилась, этот невинный ягненок! А та говорит мне, накорми ее хлебом с молоком, на кухне... ее-то, которая сейчас вкушает с ангелами небесную пищу. Это, я вам скажу, поистине так и есть!

Старик выпрямился.

— Исчезла? В Раю? — ошеломленно переспросил он, непроизвольно окидывая взглядом озаренное заходящим солнцем сверкающее небо. Вдруг, взгляд старика остановился, привлеченный чем-то вдали. Старый Том с усмешкой обернулся к Нэнси.

— Да, Нэнси, так и есть. Похоже, сегодня она решила подобраться поближе к небесам, — согласился он, указывая скрюченным пальцем туда, где на вершине могучего валуна четко вырисовывалась на фоне пылающего закатного неба хрупкая фигурка, овеваемая ветром.

— Ну, нет, сегодня она на небо не уйдет. Уж я за этим прослежу, — решительно заявила Нэнси.

— Если хозяйка спросит, скажите, что я про посуду не забыла, а просто вышла подышать свежим воздухом, — добавила она, обернувшись, когда уже неслась к тропинке, ведущей, через открытое поле, на вершину крутого холма.

Глава 5. Игра

— Ради всего святого, мисс Поллианна!.. Как же ты меня напугала! — задыхаясь, воскликнула Нэнси, подбегая к валуну, с которого Поллианна только что с видимым сожалением спустилась.

— Напугала? Ой, мне очень жаль, Нэнси, только тебе вовсе не стоило обо мне беспокоиться. Правда, и мой папа и дамы из Женского благотворительного общества тоже, бывало, волновались, пока не убедились, что я всегда возвращаюсь целой и невредимой.

— Но ведь я даже не знала, что ты ушла, — возразила Нэнси, приглашая девочку взять ее под руку. Вместе они направились вниз по склону. — Я не видела, как ты выходила из дому. И никто не видел. Было такое впечатление, будто ты прямо сквозь крышу вознеслась на небо, право же.

Поллианна запрыгала от радости.

— А я так и сделала! Только я не возносилась, а наоборот, спустилась. Я спустилась по дереву.

Нэнси даже остановилась от неожиданности.

— Как ты спустилась?

— По тому дереву, что растет перед моим окном.

— Ой, мамочки родненькие! — поразилась Нэнси, вновь трогаясь в путь. — Хотела бы я послушать, что на это сказала бы твоя тетушка.

— Ты правда хотела бы? Так ведь слушаешь. Я ей расскажу, как вернемся, и будем знать тогда, что она скажет, — охотно пообещала Поллианна.

— Нет уж, спасибо! — охнула Нэнси испуганно. — Нет, нет!

— А что, ты думаешь, тете Полли это не интересно? — встревоженно спросила Поллианна.

— Нет. Да. То есть... ну, неважно. Мне на самом деле не обязательно знать, что сказала бы твоя тетя, — замялась Нэнси, понимая, что стоит избавить Поллианну от теткиных нотаций хотя бы в этот раз. — Нам бы лучше поторопиться. А то мне еще всю посуду нужно перемыть.

— Я тебе помогу, — с готовностью вызвалась Поллианна.

— Ну вот! Этого еще не хватало, мисс Поллианна! — смутилась Нэнси.

Какое-то время они шли молча. С быстро темнеющего неба на землю спускались сумерки. Поллианна крепче сжала руку Нэнси.

— Пожалуй, я все же немножечко довольна, что ты испугалась за меня. Потому что благодаря этому ты пришла за мной, — сказала она, зябко передернув плечами.

— Бедненький ты мой зайчик! Ты, небось, еще и здорово проголодалась! Боюсь, тебе придется сегодня подкрепиться только хлебом и молоком у меня на кухне. Твоя тетка, видишь ли, рассердилась, что ты не спустилась к ужину вовремя.

— Так я ведь не могла. Я была вон там, на скале.

— Ну да. Только она-то об этом не знала, — заметила Нэнси, сдерживая смех. — Ты уж не обижайся за хлеб с молоком. Мне жаль, что так получилось.

— А мне ничуть не жаль. Я очень рада.

— Вот те раз! Чему же ты так рада?

— Так я ведь люблю хлеб с молоком, и мне будет приятно поесть вместе с тобой. Так почему же мне этому не порадоваться. Я очень даже этому довольна.

— Хм, ты, вообще, кажется, редко бываешь чем-то недовольна, — заметила Нэнси, хмыкнув при воспоминании о мужественных попытках Поллианны полюбить свою убогую комнатенку под крышей.

Поллианна засмеялась в ответ.

— Что ж, таковы правила игры.

— Игры, говоришь?

— Вот именно. Игра «просто радуйся».

— Слушай, ты о чем вообще говоришь-то?

— А что? Это игра такая. Меня папа научил играть, и это очень даже здорово, — настаивала Поллианна. — Мы в нее всегда играли. С тех пор как я была еще совсем маленькой. А когда я рассказала дамам из Женского благотворительного общества, они тоже стали с нами играть. Ну, некоторые из них.

— Ну, так что это за игра? Я в играх, знаешь, не очень разбираюсь.

Поллианна снова засмеялась, но при этом вздохнула. В сгущающихся сумерках ее худенькое личико казалось задумчивым.

— Мы начали игру с костылей, которые нам прислали в очередной партии пожертвований.

— С костылей?!

— Да. Я хотела куклу. Папа им так и написал. Но, когда пришла посылка с благотворительными пожертвованиями, к ней прилагалось письмо. Та леди писала, что кукол никто не принес, зато есть маленькие костыли, которые тоже могут иногда понадобиться для ребенка. Тогда-то и началась игра.

— Что-то я не понимаю, в чем она состоит, — заявила Нэнси, поневоле начиная раздражаться.

— Так ведь игра как раз в том и заключается, чтобы находить то, чему можно порадоваться, что бы ни случилось, — серьезно объяснила Поллианна. — А мы начали с тех самых костылей.

— Мать честная! Получить пару костылей вместо куклы! Разве можно такому радоваться?

Поллианна захлопала в ладоши.

— А вот и можно! Можно! Можно! — восторженно восклицала она. — Но я сначала тоже не представляла себе, каким образом, — честно призналась она после небольшой паузы. — Папе тоже пришлось объяснять мне.

— Ну, так, может, и ты сделаешь такую милость, и объяснишь мне? — буркнула Нэнси немного обиженно.

— Глупышка! Костылям радуешься потому, что они тебе не нужны! — с ликующим видом воскликнула она. — Видишь, как все просто, когда знаешь, как играть.

— Да уж! — вздохнула Нэнси, глядя на Поллианну почти испуганно. — Довольно странные